

ГЛАВА 6

ПРАКТИКИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ: УЧЕБНАЯ КНИГА И НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАРРАТИВ¹

Вполне понятно, что в период становления современного общества наибольшее влияние на формирование национальной памяти начинают оказывать те виды национальной истории, которые были ориентированы на широкую читательскую аудиторию, – это учебные книги по национальной истории и рассмотренный в предыдущих главах национально-государственный нарратив. Предлагаю последовательно 1) рассмотреть вопрос о появлении группы видов учебной книги по национальной истории в России, 2) обратить внимание на черты самопрезентации, присущие национально-государственному нарративу и учебной книге по национальной истории.

1. Учебная книга по национальной истории в структуре исторического знания в России конца XVIII – начала XX века

В российском историографическом пространстве внимание к проблеме учебной книги по национальной истории XVIII – начала XX в. традиционно проявляли методисты и педагоги², но можно констатировать рост интереса к ней и специалистов в области историографии (истории истории)³.

Современные историки позиционируют несколько практик изучения учебной книги по русской истории. В.А. Володина исследовала проблему влияния исторической науки на сферу учебной ли-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 «Культура духа» vs «Культура разума»: Интеллектуалы и Власть в Британии и России в эпоху Перемен (XVII–XVIII вв.).

² См., напр.: Орловский А.Я. Школьные учебники по русской истории в России в конце XIX – начале XX в. (опыт создания и методического построения): дис... канд. пед. наук. М., 2002.

³ См., напр.: Володина В.А. Учебная литература по отечественной истории как предмет историографии (середина XVIII – конец XIX вв.): автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 2004.; Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. – 1930-е гг.): автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 2011. С. 8.

тературы и выясняла «почему так, а не иначе писалась история для юношества» с середины XVIII до конца XIX века⁴ И.С. Огоновская предложила школьные учебники по истории изучать как *исторические источники* и классифицировать их по содержанию: «официально-охранительные», «дворянско-монархические», «государственно-патриотические» и т.д.⁵ А.Н. Фукс, поставив цель определить «уровень историографической информативности» школьных учебников и учебных пособий по отечественной истории, предпринял попытку изучать их как *историографические источники*⁶. Мне представляется важным замечание А.Н. Фука о том, что одним «из приоритетных направлений в современной историографии становится изучение школьных учебников как историографических источников»⁷. Но, к сожалению, кроме манифестации приоритетности этой исследовательской практики, историк не уточнил понятие «историографический источник» и не привел признаки «школьного учебника» как историографического источника.

Историки склонны устанавливать прямую связь развивающейся с XVIII века исторической науки и текстов учебных книг по национальной истории⁸, отмечая: «Безусловным фактом является взаимосвязь <...> двух явлений: делала шаг вперед историческая наука – вслед за ней двигались и школьные учебники»⁹. Мне представляется, что важно обратить внимание не столько на зависимость учебной книги от научной истории, сколько на ее связь с историческими произведениями, позиционирующими социально ориентированный тип исторического знания (национально-государственный нарратив).

В данном разделе обратим внимание на учебную книгу как группу историографических источников, формы и содержание которых зависели от формирующегося мастер-нарратива, основанного на конструкциях, которые историки включают в национально-государственные нарративы. Как и в других разделах главы, сначала будет дана краткая характеристика функционированию понятий, в данном случае, связанных с видами учебной книги по истории России.

⁴ Володина В.А. Учебная литература по отечественной истории... С. 5.

⁵ Огоновская И.С. Школьный учебник отечественной истории: Учебные издания как исторический источник // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 12. Екатеринбург, 2011. С. 279.

⁶ Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории... С. 7-9.

⁷ Фукс А.Н. Значение школьных учебников отечественной истории для идеологического обеспечения национальной безопасности // Вестник МГОУ. 2015. № 1. С. 22.

⁸ Там же.

⁹ Володина В.А. Учебная литература по отечественной истории... С. 26.

В исследованиях современных историков отсутствует рефлексия о строгости употребления понятий: «учебная книга», «учебное пособие» и «учебник». Так, «Краткое изображение российской истории» А.Л. Шлёцера может быть названо «кратким учебником русской истории»¹⁰, несмотря на то, что эта маленькая книжка не была автором адресована школе. К «учебникам» отнесен труд С.Н. Глинки «Русская история в пользу семейного воспитания» (указание в самоназвании произведения «для семейного воспитания» – свидетельствует о том, что автор создавал не учебник)¹¹. «Краткое пособие по русской истории» В.О. Ключевского названо «школьным учебником истории»¹². Присутствие в самоназвании произведения слова – «пособие» (тем более, указание самого Ключевского, на то, что книга адресована слушателям его университетского курса¹³) в этом случае игнорируется, а значит проведенный историографический анализ историографического источника является некорректным.

Система упорядочивания изданий существует в библиографии. Она регулируется ГОСТ 7.60-2003 «Издания. Основные виды, термины и определения» системы СИБИД (стандартов по информации библиотечного и издательского дела). ГОСТ 7.60-2003 выделяет виды изданий по «целевому назначению» и по «характеру информации». По целевому назначению ГОСТ 7.60-2003 предлагает понятие группы «учебное издание», а по характеру информации в учебных изданиях выделяет среди прочих – *учебник* и *учебное пособие* и дает им определения: 1) учебник: «Учебное издание, содержащее систематическое изложение учебной дисциплины, ее раздела, части, соответствующее учебной программе, и официально утвержденное в качестве данного вида издания»; 2) учебное пособие: «Учебное издание, дополняющее или заменяющее частично или полностью учебник, официально утвержденное в качестве данного вида издания»¹⁴. Надо иметь в виду, что ГОСТ 7.60-2003 систематизирует именно издания, а не сами произведения как таковые. Естественно, что в своем

¹⁰ См.: Студеникин М.Т. Становление и развитие школьного образования в России XVI – начала XIX в.: монография. М. МПГУ, 2011. С. 71.

¹¹ Володина В.А. Учебная литература по отечественной истории... С. 33.

¹² Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории... С. 22-23; Абрамкин О.С. Проблемы отечественной истории в школьной литературе XVIII – начала XX в. // Российский гуманитарный журнал. 2015. Т. 4. №. 6. С. 499.

¹³ См.: Ключевский В.[О.] Краткое пособие по русской истории. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1908.

¹⁴ ГОСТ 7.60-2003 [Межгосударственный стандарт]. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Основные виды: термины и определения. URL : <https://www.ifap.ru/library/gost/7602003.pdf/>

исследовании историограф должен уточнять библиографическую систематизацию с учетом интенции автора учебной книги, типа историографической культуры того или иного времени и типа рациональности соответствующей модели науки (классической, неклассической и т.д.). Со своей стороны, современные книговеды предлагают типологию группы «учебное издание». Например, выделяется группа «образовательная книга» XVIII века, в которую по целевому назначению включены: учебные, научно-популярные и справочно-энциклопедические издания¹⁵. Специалисты-книговеды, признают, что «типология учебных изданий досоветского периода относится к одному из наименее разработанных вопросов типологического направления в книговедении»¹⁶. Ранее В.А. Володина предложила свое понимание терминов «учебник» и «руководство»: под «учебником» «понимается официально утвержденная и введенная в практику преподавания книга», термин «руководство» – шире, «он включает как собственно учебники, так и различные пособия, которые могли употребляться в качестве вспомогательной литературы»¹⁷. Систематизация, предложенная историком более приемлема, но, приемлема, в большей степени, для изучения специфики функционирования учебных текстов в пространстве исторического образования. Если мы ведем речь о практике историографического исследования, в котором базовым выступает понятие «историографический источник» (произведение историка), то данный подход к систематизации, не учитывающий авторскую интенцию и историческую культуру эпохи может не позволить осуществить строгий историографический анализ.

Во второй половине XVIII – первой половине XIX века виды учебной книги еще не были систематизированы культурой. Однако авторы книг, переводчики и составители словарей старались соотнести принимаемые русской книжной культурой названия изданий с западноевропейскими. Например, в «Словаре» украинского ученого Г.А. Полетики (1763) обнаруживаем: «Руководство: Manuel (фр.), Handbuch (нем.), A Manual (англ.)»¹⁸. В «Словаре Академии Россий-

¹⁵ Антипова И.А. Образовательная книга для детей в России во второй половине XVIII в.: вопросы издания и типологии: автореф. дисс... канд. филол. наук. СПб., 2002. С. 13.

¹⁶ Сенькина А.А. «Книга для чтения» как вид учебного пособия для начального обучения: вопросы типологии и истории издания (конец XVIII – первая половина XIX вв.): автореф. дисс... канд. филол. наук. СПб., 2010. С. 14.

¹⁷ Володина В.А. Учебная литература по отечественной истории... С. 5-6.

¹⁸ [Полетика Г.А.] Словарь на шести языках: русском, греческом, латинском, французском, немецком и английском, изданный в пользу учащегося юношества. СПб., 1763. С. 192-193.

ской» (1789–1794), учебной книгой названа книга «касающаяся до учения»¹⁹, а «руководство» определено как «краткое начертание какой науки. [Напр.:] Руководство к геометрии»²⁰.

В первой половине XIX в. шел процесс корректировки понятий, связанных с учебной книгой. В русской культуре этого времени уже отличают книгу по истории или «отечественную историю в кратком очерке», от той, которая принята на официальном уровне «в руководство»²¹. Слово «учебник» можно найти в «Словаре церковно-славянского и русского языка» (1847), в котором он определяется, как «учебная книга»²².

Во второй половине XIX века «Толковый словарь» В.И. Даля пробует дифференцировать «руководство» и «учебник». Руководство – это «подручная учебная книга по какой-либо науке, знанию, искусству», а учебник – «книга, *руководство* [курсив здесь и далее мой. – С.М.], для обучения составленная»²³. В то же самое время «руководство» по истории и «учебник» по истории воспринимаются как синонимы. Например, В.Г. Белинский в рецензии на одно из «Руководств» С.Н. Смарагдова, написал, что это «почти первый учебник истории, составленный добросовестно»²⁴. Даже бывший министр народного просвещения Российской империи Д.А. Толстой в работе о городских училищах (1886), характеризуя «Краткую российскую историю, изданную в пользу народных училищ Российской империи» (1799), перевел на русский язык мысль А.Л. Шлёцера о ней: «...этот учебник – первое изданное *руководство* по русской истории»²⁵, хотя в оригинале (в «Предисловии» к немецкому изданию) Шлёцер во всех случаях использовал слово «Handbuch» (руководство)²⁶. Как

¹⁹ Словарь Академии Российской: в 6 ч. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1789-1794. Ч. 6. Стб. 468.

²⁰ Там же. Ч. 5. Стб. 206.

²¹ Обзорение книг, вышедших в России в 1835 г. // Журнал министерства народного просвещения. 1838. Ч. 19. С. 430-431.; Обзорение книг, вышедших в России в 1837 г. // там же. 1839. Ч. 23. С. 38-39.

²² Словарь церковно-славянского и русского языка: в IV т. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1847. Т. IV. С. 379.

²³ Даль В.[И.] Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. [2-е изд.]. СПб.; М.: Изд. М.О. Вольфа, 1880-1882. Т. IV: P-V. С. 113, 543.

²⁴ См.: Белинский В.Г. Руководство к познанию древней истории для средних учебных заведений, сочиненное С. Смарагдовым // Отечественные записки. 1840. Т. XI. С. 26.

²⁵ Толстой Д.А. Городские училища в царствование Императрицы Екатерины II. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1886. С. 86.

²⁶ Schlözer A.L. Vorbericht // Handbuch der Geschichte des Kaiserthums Rußland: vom Anfänge des Stats bis zum Tode Katharina der II. Göttingen, 1802. S. X-XI.

можно заметить, в культуре происходит незначительная трансформация вос-приятия такого вида историописания как «руководство» по истории, но в целом, виды учебной книги так и не были уточнены.

В формирующейся модели европейской исторической науки второй половины XVIII – начала XIX в. еще не выработались четкие формы презентации исторического знания. Так, по мнению М. Филлипса, в британском историописании сложилась система «связанных жанров», она была динамичной, каждый жанр (в большей или меньшей степени) мог изменяться от эпохи классицизма до романтизма. Применив понятие «классификация» по отношению к жанрам исторических произведений, Филлипс не стал выявлять четкую жанровую структуру, отмечая, что авторы XVIII – начала XIX в. редко рефлексировали о природе практик историописания²⁷. Похожая ситуация складывалась и в практике историописания в России.

Со второй половины XVIII в. активизируется практика историописания, которая выполняла вполне определенную функцию – создание учебных книг по истории для учебных заведений Российской империи и для чтения. Эта практика была представлена: 1) добавлением российской истории в уже готовые немецкие и французские труды по всеобщей истории (например, «Гилмара Кураса сокращенная универсальная история...»²⁸) или 2) написанием собственно национальной истории (например, «Краткий российский летописец» М.В. Ломоносова). В период господства рационалистических принципов во второй половине XVIII века уже не всякого читателя могли удовлетворить ломоносовские конструкции о прошлом России. Начатые правительством Екатерины II в 1782 г. реформы в области образования и создание Комиссии об учреждении училищ, потребовали создания единых учебных планов и программ преподаваемых дисциплин, подготовку учителей, а также обеспечение училищ учебной литературой.

Одной из первых учебных книг, утвержденных Комиссией об учреждении училищ, и тем самым принятой в качестве учебника, стала написанная на основе книги для чтения «Общая всемирная история для детей» («Allgemeine Weltgeschichte für Kinder»: in 4 bd.)

²⁷ Phillips M.S. Society and Sentiment: Genres of Historical Writing in Britain, 1740–1820. Princeton: Princeton University Press, 2000. P. 8–12, 25.

²⁸ Гилмара Кураса Сокращенная универсальная история, содержащая все достопамятные в свете случаи от сотворения мира по нынешнее время со многим пополнением вновь переведенная [Б. А. Волковым] и с приобщением Краткой российской истории вопросами и ответами в пользу учащегося юношества. СПб. При Имп. Акад. наук, 1762.

И.М. Шрека «Всемирная история, изданная для народных училищ Российской империи: в 3 ч.» (1787–1798)²⁹. В 1799 г. вышла официально одобренная Комиссией «Краткая российская история, изданная в пользу народных училищ» Ф.И. Янковича де Мириево. Следует согласиться с В.А. Володиной, что если говорить о «первом учебнике» по российской истории, то им следует признать указанное произведение, подготовленное специально для народных училищ³⁰.

Появление такого вида историографических источников как *учебник* по национальной истории происходит лишь после издания первых больших (полных) национальных историй. Отнюдь не случайно, в «Предисловии» к немецкому изданию «Краткой российской истории» А.Л. Шлёцер отметил, что руководство по национальной истории может удовлетворять всем потребностям лишь в том случае, когда уже проведена подготовительная работа, собраны, упорядочены, обработаны и «очищены материалы» (*gereinigte Materialien*) для нее³¹. Авторами больших российских историй в XVIII в., как было уже отмечено, выступили: В.Н. Татищев, Ф.А. Эмин, М.М. Щербатов, анонимный сочинитель [Екатерина II] «Записок касательно российской истории» и т.д.

Предложенная М.М. Щербатовым в «Истории российской...» модель прошлого России, не удовлетворяла власть (Екатерину II). Поэтому, Ф.И. Янкович де Мириево целенаправленно создавал учебный текст для народных училищ, используя фактический материал, собранный И.М. Стритгером (Комиссия об учреждении училищ еще в 1783 г. заказала ему учебную книгу по русской истории, которая будет издаваться в 1800–1802 гг. в 3 ч.). Многие конструкции древнерусской истории Ф.И. Янкович де Мириево старался выстраивать так, как их сконструировала в предназначенных для чтения юношества «Записках касательно российской истории» Екатерина II. Это доказывают конструкции текста Ф.И. Янковича де Мириево. Например, в произведении Екатерины II князь Олег не убивал княжившего в Киеве Аскольда (Дира не было вообще)³². Поэтому, в «Краткой российской истории» князь Олег просто «отнял» за нерадение у Асколь-

²⁹ [Янкович де Мириево Ф.И.] Всемирная история / Изданная для народных училищ Российской империи по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Второй: в 3 ч. СПб.: Б.и., 1787–1798.

³⁰ Володина В.А. Учебники отечественной истории как предмет историографии: середина XVIII – середина XIX в. // История и историки: историогр. вестн. 2004. М.: Наука, 2005. С. 113.

³¹ Schlözer A.L. Vorbericht... S. XIII–XIV.

³² [Екатерина II] Записки касательно российской истории: в 6 ч. СПб.: Имп. тип., 1787–1794. Ч. 1. С. 43.

да Киев и южную Русь³³. Если Екатерина II сделала основателем Москвы князя Олега³⁴, то и в «Краткой российской истории» можно прочесть, что «Олег заложил город Москву»³⁵. При этом в учебной книге Ф.И. Янковича де Мириево можно заметить явное стремление автора позиционировать только положительный образ предка. Славяне (а потом русские) представлены благонравными, правдивыми, не предупредив – войн не начинали и т.д.³⁶

А.Л. Шлёцер, как известно, определил вид этой учебной книги как «руководство» и применительно к историографической культуре того времени, в качестве историографического источника она может нами рассматриваться как учебник. Его текст оказался удовлетворительным для власти, учителей и учащихся. События прошлого были искусно отобраны и сделана заявка на системность изложения материала, неслучайно книга издавалась более тридцати лет.

Трансформация модели большой национальной истории XVIII века в национально-государственный нарратив происходит в Европе на рубеже XVIII–XIX в. Уже в первой четверти XIX столетия усиливается неоднородность способов позиционирования национального прошлого, основой которых были разные типы исторического знания (научный и социально ориентированный)³⁷.

Выход в свет труда Н.М. Карамзина «История государства российского» способствовал корректировке основных конструкций русской истории, ее героев и антигероев, к которым обращались еще историописатели XVIII века. Это привело к формированию русского исторического мастер-нарратива, который укреплялся, в том числе историческими произведениями, подражавшими ставшей популярной «Истории» Карамзина. Одним из таких произведений можно назвать книгу «Сокращение Российской истории Н.М. Карамзина, в пользу юношества» А.В. Таппе. В связи с тем, что книга была составлена на трех языках: русском, немецком и французском, представляют интерес самоназвания трех блоков книги. Если во французском варианте названия присутствует «Tableau abrégé de l'histoire de russie...» (краткое (сокращенное) изображение истории России), со-

³³ [Янкович де Мириево Ф.И.] Краткая российская история, изданная в пользу народных училищ Российской империи (2-е изд.). СПб.: При Имп. Акад. наук, 1804. С. 14.

³⁴ [Екатерина II] Записки касательно российской истории... С. 42.

³⁵ [Янкович де Мириево Ф.И.] Краткая российская история... С. 14.

³⁶ Там же. С. 8, 20 и др.

³⁷ См.: Маловичко С.И. Национально-государственный нарратив в структуре национальной истории долгого Девятнадцатого века // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 89-100.

ответствующее российскому названию, то в немецком варианте А.В. Таппе поставил: «Russisches historisches lesebuch, aus Karamsins Geschichte Russlands». В последнем случае присутствует целевая установка книги, маркирующая авторскую интенцию, которая не манифестируется ни в русском, ни во французском вариантах, – это слово «*lesebuch*» – *книга для чтения*³⁸.

Одну из книг для детского чтения по российской истории подготовила женщина – Е.Д. Кушелева. Издавая книгу для чтения по русской истории, она вступила в коммуникацию с издательством Н.И. Новикова, которое в традиции эпохи Просвещения публиковало литературу, полезную для «имеющих вкус» к просвещению. В «Карманной или памятной книге для девиц» (1784), изданной Новиковым, одно из важнейших наставлений гласило: «Знать всеобщую историю, а паче своего отечества, лучшие и приличные полу вашему российские сочинения, дабы при случае не оказать себя невеждою»³⁹. В обращении к «Благосклонному читателю» Е.Д. Кушелева, как представляется, откликаясь на это наставление написала: «Что знание истории для человека весьма нужно, в том я думаю все со мной согласятся; а что знание истории своего отечества нужнее всего человеку знать, без сомнения неоспоримо. Для сего я предпринимала в свободное время сей малый труд...»⁴⁰.

Отметим, что Е.Д. Кушелева в начале произведения в числе исторической литературы, которую она использовала, составляя свою книгу для чтения, привела работу французского историка П.-Ш. Левека (Levesque P.-Ch. Histoire de Russie et des principales nations de l'Empire Russe (1782)), который был непопулярен в окружении Екатерины II за пренебрежительное отношение к самодержавию. Императрица еще в 1783 г. нелюбезно отзывалась о Левеке и его ученике Н.-Г. Леклерке: «оба скоты <...>, скоты скучные и гнусные»⁴¹.

³⁸ Таппе А.В. Сокращение Российской истории Н.М. Карамзина, в пользу юношества и учащихся российскому языку, с знаками ударения, истолкованием труднейших слов и речений, на немецком и французском языках, и ссылками на грамматические правила. СПб.; Рига, 1819.

³⁹ Карманная, или памятная книжка для молодых девиц, содержащая в себе наставления прекрасному полу, с показанием, в чем должны состоять упражнения их [иждением Н. Новикова и компании]. М.: Универ. тип., 1784. С. 4.

⁴⁰ Кушелева Е.[Д.] Историческая и хронологическая поколенная роспись всех в России владеющих великих князей, царей, императоров и императриц. СПб.: Печ. у Хр. Геннинга, 1785. С. 3.

⁴¹ Курукин И.В. «Для вперения в юношество любви к отечеству»: Екатерина II и изучение истории в русской школе конца XVIII – начала XIX века // Исторический вестник. 2013. Т. 3 [150]. С. 106.

Более того, в своих «Записках касательно российской истории», первоначально публиковавшихся с 1783 г. в журнале «Собеседник любителей русского слова», императрица отмечала (намекая на французских историков): «Сии записки касательно Российской Истории сочинены для юношества в такое время, когда выходят на чужестранных языках книги под именем Истории Российской, кои скорее именовать можно сотворениями пристрастными...»⁴².

Модель построения текста «Исторической и хронологической поколенной росписи» Е.Д. Кушелевой ближе всего «Краткому российскому летописцу с родословием» М.В. Ломоносова, но это все, что их объединяет. Российский академик, давая основные сведения о представителях власти в России, не указывает супругов и детей, даже тех, которые потом наследовали власть. Он больше внимания уделяет их храбрости, победам, политическим мероприятиям, а Кушелеву перечисленные качества правления, как можно заметить по ее тексту, интересовали в меньшей степени. Она обращала внимание на черты семейного быта, даже когда в своих историографических источниках о последних ничего не находила. Например, характеристику князя Игоря Рюриковича она заканчивает словами: «Уповают, что он имел много супруг, но неизвестна ни одна, выключая Ольги»⁴³.

Внимание Е.Д. Кушелевой к семейной жизни российских правителей настолько очевидное, что во многих случаях характеристика супругов и детей по объему занимает не меньше места в тексте интересующего нас историографического источника, чем характеристика какого-либо князя. Так, в структуре текста описание Святослава Игоревича занимает три страницы, причем характеристика его супруги и наложницы (Малуши), а также перечисление сыновей заняли ровно половину этого объема⁴⁴. Таким образом, Кушелеву-историописателя – интересовали именно семейные стороны жизни венценосцев в прошлом страны. Если она и взяла на себя роль историописателя, то все равно осталась женщиной, а историю она позиционировала, в первую очередь, представительницам того пола, к которому принадлежала сама. Книга Е.Д. Кушелевой является прекрасным примером исторического «женского» дискурса, предназначенного для обучения девушек, а их (как считала автор) более всего в истории интересуют те вопросы, которые она постаралась актуализировать в своем тексте.

⁴² [Екатерина II] Записки касательно российской истории... Ч. 1. С. 1.

⁴³ Кушелева Е.[Д.] Историческая и хронологическая поколенная роспись... С. 6-7.

⁴⁴ Там же. С. 8-10.

Книгу для чтения по национальной истории (для детского возраста) следует отнести к группе видов историографических источников – учебная книга. Практика создания учебных книг оказалась интересной А.Л. Шлецеру. Кроме нескольких изданий всеобщей истории для учащихся он подготовил небольшую справочную книгу и книгу для чтения (для детского возраста) по русской истории, которые были переведены на русский язык⁴⁵. Книга для чтения «Краткое изображение российской истории» предназначалась «юным соотечественникам» и содержала элементы исторической критики, позиционируемой Шлёцером во всех видах исторических произведений. Перечисляя польско-украинские и московские позднесредневековые мифологемы, а также ломоносовские «нелепости», историк замечал, что история, предводимая здравым рассудком и озаряемая светом критики, ими пренебрегает»⁴⁶.

Книги для чтения выполняли пропедевтические задачи, но не были ориентированы для употребления в учебных учреждениях как основной источник информации по предмету. В качестве примера можно привести книгу для чтения С.И. Ушакова под названием «Российская история». Текст ее составлен параллельно на русском и французском языках и она, как указал автор, служит «для украшения сердца и памяти юношества»⁴⁷.

Многие книги для чтения по российской истории для детей, наряду с научными работами А.Л. Шлецера, И.М. Стриттера, М.Т. Каченовского, П.М. и С.М. Строевых, Н.С. Арцыбашева, Н.А. Полевого и др. составили широкую практику контр-нарратива. Эта практика противостояла утверждающемуся российскому мастер-нарративу, опирающемуся на национально-государственные истории первой половины XIX столетия.

Книги для чтения «Детская российская история» (1797) и (во втором издании) «История Российского государства от начала оного до нынешних времен» (1811) были предназначены «для пользы интересующихся и юношей» (вероятный автор – смоленский учитель Н.Г. Ефремов). Автор включил в эти книги элементы исторической критики. В первую очередь, манифестируется недоверие сообщениям

⁴⁵ См.: Шлецер А.Л. Перечень российской истории, от князя Рюрика до настоящего ныне времени. СПб.: Б.и., 1783; [Шлецер А.Л.] Краткое изображение российской истории. М.: Тип. П.Бекетова, 1805.

⁴⁶ [Шлецер А.Л.] Краткое изображение российской истории... С. 19-22.

⁴⁷ Ушаков С.[И.] Российская история от Рюрика до царствования государя императора Александра I, Павловича, служащая для украшения сердца и памяти юношества. СПб.: Тпн. Ф. Дрихслера, 1811.

Иоакимовской летописи В.Н. Татищева (который являлся основным источником для «Записок» Екатерины II)⁴⁸. В другой книге для чтения (получившей популярность среди учителей и отмеченной Министерством народного просвещения) «Краткой российской истории в пользу российского юношества», написанной молодым П.М. Строевым, присутствует сомнение в возникновении Киева в V в. н.э., «да и братья Кий, Щек и Хорив весьма сомнительны», заключил автор. П.М. Строев не обратил внимания на пользовавшуюся популярностью летописную легенду «об испытании вер» князем Владимиром Святославичем, так как, по его мнению, христианство на Руси уже и без того получило популярность⁴⁹ и т.д.

Н.А. Полевым было написано масштабное по объему историческое произведение «Русская история для первоначального чтения» (в четырех частях), которое В.А. Володина отнесла к «учебникам»⁵⁰. Действительно, это многотомное произведение стало популярным среди учителей и молодых читателей, но целеполагание автора – было иное, труд не предназначался для учебных заведений. Н.А. Полевой вполне осознанно отрефлексировал цель произведения – «для первоначального чтения». Этой цели Полевой подчинил и его структуру – каждая часть состоит из рассказов. Уже в первой части «Русской истории» автор последовательно подвергал исторической критике: легенду о призвании варягов в 862 г., существование летописных героев Кия (с братьями), Аскольда, основание Рюриком государства, сообщение летописи об «испытании вер» князем Владимиром и т.д.⁵¹ Историческая критика Полевого (как и других историков) создавала условия для недоверия ко многим историческим конструкциям национально-государственного нарратива Н.М. Карамзина «История государства российского».

Практика исторической критики становится популярной среди представителей профессионализирующейся историографии. Неоспоримо, «что критика российской истории сделала великие успехи и что теперь для нее настала счастливая эпоха», как писал в 1827 г.

⁴⁸ [Б.а.] Детская российская история, изданная в пользу обучающегося юношества. Смоленск: Тип. Приказа обществ. призрения, 1797. С. 3, 14-15; Н.Е. История Российского государства от начала оного до нынешних времен / собранная Смоленского главного народного училища учителем Н.Е. Смоленск, 1811. С. 5, 15-18.

⁴⁹ Строев П.М. Краткая российская история в пользу российского юношества. М., 1814. С. V, 9-10.

⁵⁰ Володина В.А. Учебная литература по отечественной истории... С. 34, 40.

⁵¹ Полевой Н.А. Русская история для первоначального чтения: в 4 ч. М.; СПб., 1835-1841. Ч. 1. С. 41, 42, 138-139.

А.З. Зиновьев⁵². Понимание того, что история является наукой, закрепляется в немецкой историографии, и уже в 20-х гг. XIX в. понятие «история – наука» начинает манифестироваться российскими историками. Однако, «не простое изложение событий, не затверживание годов и имен, ничего не значащих по самим себе, – по мнению И.Н. Среднего-Камышева, высказанному в 1827 г., – может возвысить Историю до степени науки»⁵³.

Укрепление научного подхода к историописанию оказывало влияние на историков и их решимость позиционировать историческое знание в учебной книге. Как отмечалось выше, уже на рубеже XVIII–XIX вв. И.М. Стриттер в «Предисловии» к своему труду «История российского государства» (был отклонен Комиссией об учреждении училищ), признался, что «рачительного критического исследования» в таком произведении, как его, «не может иметь места». Однако тому, кто хочет узнать больше – «можно читать сочинения ученых»⁵⁴, т.е. произведения историков, исследовавших отдельные вопросы русской истории. Этим высказыванием Стриттер продемонстрировал понимание разницы в практике написания государственной истории и исследовательской («ученой») работы.

Рефлексия о невозможности позиционирования научного исторического знания в таком виде исторических трудов, каким являлась учебная книга, заставила историков прибегнуть к определенному дискурсивному ходу, маркирующему специфику подачи учебного исторического материала по национальной истории. В самоназвании таких произведений мы встречаем слово «*начертание*».

В конце 1820-х гг. это слово употребил в самоназвании учебной книги И.К. Кайданов. Первое издание его произведения имеет признаки *учебника* по национальной истории (правда, отсутствует строгая системность) и *книги для чтения*. По признаю Кайданова, книга задумывалась «в виде учебной и вместе с тем так, что она могла быть не бесполезной и для людей всякого возраста»⁵⁵. В основу текста учебной книги был положен национально-государственный нарратив Н.М. Карамзина, но автор не стал в самоназвании произведения указывать привычное для такого вида историописания слово «*краткая / сокращенная*», он выбрал иное – «*начертание*».

⁵² Зиновьев А.[З.] О начале, ходе и успехах критической российской истории: рассуждение для получения ст. магистра. М.: Универ. тип., 1827. С. 65-66.

⁵³ [Средний-Камышев И.Н.] Взгляд на историю как на науку // Вестник Европы. 1827. №4. С. 249.

⁵⁴ Стриттер И.[М.] История российского государства... Ч. 1. С. 1.

⁵⁵ Кайданов И.[К.] Начертание истории Государства Российского. СПб.: Тип. Мед. Деп-та МВД, 1829. С. 5 (нумер.).

В немецкой и в российской литературной практике XVIII века присутствие в самоназвании произведения слова «Abriß» («Umriß») / «начертание» обозначало особый, краткий, авторский ракурс рассмотрения какого-либо вопроса⁵⁶. В дальнейшем смысл этого слова (преобразовавшегося в «очерк») зафиксировал В.И. Даль в своем словаре: «Очертанье и очерк <...>. Письменное краткое и легкое описание чего, в главных чертах»⁵⁷.

Рефлексируя о способе историописания в форме «начертание» истории, авторы отмечали свойственное ей «несовершенство». Например, И.К. Кайданов написал в «Предуведомлении»: «Я сам уверен в несовершенстве своего сочинения»⁵⁸. М.П. Погодин в «Предисловии» к подготовленному им учебнику «Начертание русской истории: для гимназий» замечал «недостатки, несоразмерности, излишества, недомолвки»⁵⁹. А Н.Г. Устрялов в «Начертании русской истории для учебных заведений» списал «недостаток» своего произведения на форму, а не на собственные ученые возможности, о чем и сообщил: «При тесных пределах, мне предписанных, я не мог развить происшествий в удовлетворительной полноте»⁶⁰. Причиной такой рефлексии историков являлась актуализируемая молодой профессиональной историографией модель научной («совершенной») истории, выполненной в форме исследования, от которой, конечно, сильно отличался учебный текст.

Переход из исследовательского («ученого») поля в поле учебного исторического дискурса в 1820–1830-х гг. оказывается не столь легким для профессиональных историков. Они отнеслись к практике создания исторических учебных текстов с осторожностью, чем и было вызвано присутствие в самоназвании их учебных книг слова «начертание»⁶¹. Классическая модель европейской исторической науки и критика со стороны контр-нарратива, позиционировавшего

⁵⁶ См., напр: Ахенвалль Г. Начертание истории знатнейших европейских государств / пер. с нем. В. Светов. СПб., 1779. С. 2.

⁵⁷ Даль В.[И.] Толковый словарь живого великорусского языка... Т. II (И-О). С. 804.

⁵⁸ Кайданов И.[К.] Начертание истории Государства Российского... С. 5.

⁵⁹ Погодин [М.П.] Начертание русской истории: для гимназий. М.: Универ. тип., 1837. С. VI.

⁶⁰ Устрялов Н.[Г.] Начертание русской истории, для учебных заведений. СПб., 1839. С. V (нумер.).

⁶¹ См.: Маловичко С.И., Марухин В.Ф. Учебная книга по русской истории в системе презентации национально-государственной истории российской империи конца XVIII – 40 гг. XIX века // Преподаватель XXI век. 2017. №. 4. Ч. 2. С. 298-315.

научность⁶², заставляли смотреть на выбранную практику историописания как на «несовершенную». Неслучайно после критики первого издания учебника по русской истории для гимназий М.П. Погодин решился в «Предисловии» ко второму изданию обратиться с «разговором» к двум категориям читателей: сначала к «ученым», а затем к «неученым», поясняя, что книга предназначена для последних⁶³. Н.Г. Устрялов в своем «Начертании русской истории» также реагирует на существование научного исторического знания и поясняет, что не обременяет «критическими исследованиями» учащихся, так как для этого «будет время в университете»⁶⁴.

В учебниках по русской истории конца 1820–1830-х гг. все явственнее присутствует редуцированный в учебную форму национально-государственный нарратив. Если И.К. Кайданов опирался на труд Н.М. Карамзина («При составлении сей книги, главнейше руководствовался я Историю государства российского, сочиненную Карамзиным»⁶⁵), то Н.Г. Устрялов в учебник по русской истории редуцирует собственный национально-государственный нарратив – «Русскую историю» в 4 т. (затем он будет издаваться в 5 т.), указывая, что представил «в одном томе извлечение из четырех частей изданной мною “Русской истории” <...> Многое взято из нее слово в слово, многое сжато и сокращено»⁶⁶. М.П. Погодин также использует свои предыдущие исторические произведения, стараясь приспособить их для иной – учебной практики, в чем сам и признается, например, указывая, что в описании первого периода истории «один печатный лист был извлечением из целого тома исследований»⁶⁷.

Учебники по русской истории первой половины XIX века начинают приобретать все более строгие черты, учитывающие возраст учащихся и условия, выдвигаемые Министерством народного просвещения (например, «Руководство к первоначальному изучению Русской истории» Н.Г. Устрялова⁶⁸). Текст учебников умело сориентирован на выполнение важной воспитательной функции. Так, во

⁶² См.: Скромненко С. [Строев С.М.] Окончание разбора книги профессора Погодина: Начертание русской истории для училищ // Северная пчела. 1835. № 188. 23 августа. С. 747-749.

⁶³ Погодин [М.П.] Начертание русской истории... С. IX-XIV.

⁶⁴ Устрялов Н.[Г.] Начертание русской истории... С. VI (нумер.).

⁶⁵ Кайданов И.[К.] Начертание истории Государства Российского... С. 4 (нумер.).

⁶⁶ Устрялов Н.[Г.] Начертание русской истории... С. V (нумер.).

⁶⁷ Погодин [М.П.] Начертание русской истории... С. VII.

⁶⁸ Устрялов, Н.[Г.] Руководство к первоначальному изучению Русской истории...

«Введении» к десятому изданию «Начертание русской истории для средних учебных заведений» Устрялова можно прочитать: «Изучение русской истории доставляет обильную пищу уму и сердцу. Русские справедливо могут сказать, что предки их, неоднократно застигаемые жестокими бедствиями, спасали себя не случаем, не с чужеземною помощью, а собственными силами, верою в Провидение, усердием к престолу, любовью к отечеству, что они умели выпутываться с честью и славой из самых трудных обстоятельств, что страницы их истории ознаменованы более делами доблести, нежели порока»⁶⁹.

Учебное произведение для гимназий «Учебная книга русской истории» подготовил и С.М. Соловьев, оно было более научнообразным, чем учебник для гимназий Н.Г. Устрялова, но в обоих присутствовала в целом одинаковая структура – деление русской истории на похожие хронологические периоды, разделы и т.д., а самое главное – их связывает метафора Феникса (история разрушения (монголо-татары) и возрождения, восстановления), которая посредством таких учебных изданий и книг последующих авторов утвердится в русской исторической памяти.

Конечно, в учебной книге С.М. Соловьева приоритетное внимание уделяется государству, но в отличие от Устрялова (конструировавшего государство как коллективное целое с лицом «мирного предка») Соловьев выстраивает схему могучего европейского государства, обуздывавшего «Чужого» – народы Азии – и выполнявшего цивилизаторскую миссию по отношению к Востоку. Если тема истории борьбы Европы в лице России с Азией была одной из центральных в национально-государственном нарративе, то и в учебной книге он о ней не забыл. Поэтому историк, еще не приступив к изложению русской истории, сразу отметил: «Взглянем на карту России: вот, начиная от того места, где оканчиваются Уральские горы и до Каспийского моря, находится большое ровное, степное пространство, как будто широкие ворота из Азии в Европу. На этом месте и на восток от него живут и теперь еще народы грубые, кочевые, охотники грабить, брать в плен соседей; но теперь этим народам час от часу становится труднее вести такую жизнь, потому что сильное государство Русское не допускает их разбойничать; некоторые из них даже отказались от кочевой жизни и стали заниматься земледелием»⁷⁰.

⁶⁹ Устрялов Н. [Г.] Начертание русской истории для средних учебных заведений. (10-е изд.). СПб.: Тип. Гл. Штаба Его Имп. Величества по Воен.-уч. заведениям, 1857. С. 6.

⁷⁰ Соловьев С.[М.] Учебная книга русской истории. М.: Тип. Э. Барфкнехта и К^о, 1859. С. 1.

Огромную популярность среди учителей истории начала XX века приобрела книга С.Ф. Платонова «Учебник русской истории для средней школы», которая с 1909 г. ежегодно переиздавалась. Автор постарался сделать учебник не только доступным, но и научнообразным. Как и в других подобных учебниках по национальной истории, основное внимание было уделено развитию и прогрессивной трансформации государства. Приведем отрывок из учебника С.Ф. Платонова, в котором автор формулирует задачу курса (история нации-государства) и демонстрирует свой взгляд на непрерывность русской истории, представленной последовательностью развития государственного состояния: «Главное содержание курса русской истории должно составлять повествование о том, как из <...> отдельных племен постепенно образовался единый русский народ и как он занял то громадное пространство, на котором теперь живет; как образовалось среди русских славян государство и какие перемены происходили в русском государственном и общественном быту до тех пор, пока он не принял современной нам формы Российской империи. Рассказ об этом естественно делится на три части. В первой излагается история первоначального Киевского государства, объединившего все мелкие племена вокруг одной столицы – Киева. Во второй излагается история тех государств (Новгородского, Литовско-Русского и Московского), которые образовались на Руси вслед за распадом Киевского государства. В третьей, наконец, излагается история Русской империи, объединившей в себе все земли, заселенные русскими людьми [русские, белорусы, украинцы. – С.М.] в разные времена»⁷¹.

Как можно заметить, если в 30-х годах XIX в. Н.И. Надеждин еще ставил перед национально-государственной историей цель – создание истории «русского единства», то в начале XX в., в частности, в учебнике по русской истории С.Ф. Платонова об этом говорится уже как о само собой разумеющемся.

Практика создания учебника по русской истории оказалась возможной, с одной стороны, в период утверждения научного исторического знания, с другой стороны, этой практике потребовалась мощная подпорка, которой стал национально-государственный нарратив. Со своей стороны, учебная книга по национальной истории, представленная учебниками и книгой для чтения, востребуя конструкции национально-государственного нарратива, своим существованием в образовательном пространстве исторической культуры – укрепляла русский национальный мастер-нарратив.

⁷¹ Платонов С.Ф. Учебник русской истории для средней школы [9-е изд.]. Пг.: Тип. Я. Башмаков и К°, 1917. С.1–2.

II. Самопрезентативная форма национальной истории

Национально-государственные нарративы, которые презентировали прошлое наций-государств Европы, во многом представляли собой вариации на общую тему. Вариации были связаны не только с региональными особенностями, но, в немалой степени, и с имперским характером того или иного государства⁷². Национальная история, рассказывавшая о прошлом конкретного нации-государства, создавалась историком, принадлежавшим к этому государству. В связи с этим, конструирование такой истории осуществлялось в форме самопрезентации. Испытывая особый, не только исследовательский, интерес и привязанность к родине, автор национально-государственного нарратива не мог не позиционировать особенности «своего» нации-государства. Каждая из особенностей представляла собой конструкцию, которую историки создавали при помощи специально отбираемых «событий» прошлого или посредством риторических объясняющих приемов. В данном разделе сделана попытка представить приемы и черты практик самопрезентации, присущих российским национально-государственным историям и учебным книгам, в широком европейском контексте.

Самопрезентативная форма национально-государственного нарратива демонстрировала себя в нарративных конструкциях, которыми историки старались, помимо прочего, возвеличить «свое» нацию-государство. В «Предисловии» к «Истории государства Российского» Н.М. Карамзин о «своем», писал: «Не надобно быть русскими! надобно только мыслить, чтобы с любопытством читать предания народа, который смелостью и мужеством снискал господство над девятою частью мира, открыл страны никому дотоле неизвестные, внес их в общую систему географии и истории и просветил божественной верой...»⁷³. Историк нашел участие «своего» в общем для всей Европы процессе (колонизация) и рассказал об эпопее русских в Сибири, отмечая, что Россия «приобрела новое Царство..., открыла второй новый мир для Европы», но «своего» колонизатора Сиби-

⁷² В рамках европейской национальной истории К. Лоренц предложил выделить тип истории империи, который присутствует в национальном историописании Великобритании, России, Пруссии (в пределах немецких земель), Голландии (в Нидерландской республике). – См.: Lorenz C. *Unstuck in time. Or: the sudden presence of the past // Performing the Past: Memory, History, and Identity in Modern Europe* / eds by K. Tilmans, F. van Vree, J. Winter. Amsterdam: University Press, 2010. P. 77-78.

⁷³ Карамзин Н.М. *История государства Российского*: в 12 т. СПб.: Типогр. Н. Греча, 1818-1829. Т. 1. С. 12.

ри (хоть и назвал именем известного испанского конкистадора) постарался представить менее жестоким: «Российский Пизарро, не менее испанского грозный для диких народов, менее ужасный для человечества»⁷⁴.

Через несколько десятков лет Н.М. Карамзину вторил британец Т.Б. Маколей, но только уже о прошлом «своего» народа, который создал великое государство, успешно защищавшееся «от внешних и внутренних врагов». Историк постарался описать его благоденствие, «подобно которому летописи дел человеческих еще ничего не представляли <...>, как в Америке британские колонии быстро сделались гораздо могущественнее и богаче тех государств, которые Кортес и Пизарро присоединили к владениям Карла V; как в Азии британские искатели приключений основали державу, не менее блестящую и более прочную, чем монархия Александра»⁷⁵, и т.д.

Наиболее распространенным в практике конструирования национальных особенностей стал прием поиска «своей» крови в далекой древности (правда, знакомый еще средневековым книжникам). По мнению С. Бергера, культура романтизма стимулировала практику поиска в первобытности специфических национальных типов европейских этносов: кельтских, германских, романских и славянских⁷⁶. Например, де Сисмонди, написавший в первой четверти XIX в. тридцати однотомную «Историю французов», отмечал: «Никакая другая нация Европы не прожила столь длинную жизнь и не представлена такой длинной чредой воспоминаний»⁷⁷. Историки искали «свои» корни (разумеется, в границах современного им государства, правда, нередко присматриваясь и к территории соседей) в глубоких «исторических» и даже «доисторических» эпохах, тем самым «присваивая» еще не существовавшему «своему» народу или отечеству исторические пространства.

Стремление историков идентифицировать в качестве «своих» территории древних регионов Европы, а также сама проводимая ими нарративная операция, на практике превращавшаяся в сугубо риторической прием, который заслуживает особого внимания современного исследователя. В качестве примера реализации такой операции

⁷⁴ Там же. Т. 9. С. 370, 383.

⁷⁵ Маколей Т.Б. История Англии. Ч. 1 // Маколей Т.Б. Полн. собр. соч.: в 15 т. СПб; М.: Типогр. М.О. Вольфа, 1866. Т. 6. С. 1–2.

⁷⁶ Berger S. The Invention of National Traditions in European Romanticism // The Oxford History of Historical Writing: in 5 vol. Vol. 4: 1800-1945 / eds by S. Macintyre, J. Maiguashca, A. Pók. N.Y.: Oxford University Press, 2011. P. 23.

⁷⁷ Sismondi J.C.L.[S.] Histoire des français: dans XXXI t. T. I. Paris: Treuttel et Würtz, 1821. P. 2.

обратимся к национально-государственным нарративам С.М. Соловьева, Ж. Ортега Рубио, а также к «Истории Франции» (первая серия – 18, вторая – 9 томов) под редакцией Э. Лависса. Если С.М. Соловьев, рассуждая о древнейших народах (не славянах), проживавших на территории, где потом будет Россия, писал, о них как «о первых обитателях отечества нашего»⁷⁸, а испанский историк Ж. Ортега Рубио, рассказывая о крайнем западе Европы в античное время, называл его «нашей территорией»⁷⁹, то П. Видаль де ля Блаш в первом томе «Истории Франции» уже при описании доледникового периода поставил проблему «наших национальных истоков» и отмечал, что это – «наша страна»⁸⁰.

В качестве черты личности, конечно, не на последнем месте была метафора «мирного предка». Если в «Истории Российской» князь М.М. Щербатов показал славян такими же, как иные древние народы, подмечал «чинимые бесчеловечия сими варварами <...>, делающих стыд человечеству»⁸¹, то в «Русской истории» Н.Г. Устрялова уже можно прочесть иное: «Славянское племя вообще имело более склонности к мирной жизни...»⁸². В «Истории чешского королевства» В.В. Томек эту мысль усилил сравнением с «немирными немцами», написав, что у немецких народов «война и добыча были самым любимым занятием», а славяне «были народом земледельческим и, хотя были храбры, но не искали битв, а главным образом защищали свое имущество и свои поля»⁸³.

Интересным образом в текстах учебных книг по русской истории авторы презентировали образ мирного предка даже в тех сюжетах, которые были связаны с нападением «своего» народа на «чужой» народ. Если в тексте ПВЛ по изданной еще в 1767 г. так называемой Летописи по Кенигсбергскому списку о походе Ярослава Мудрого на поляков можно прочесть: «В лето 6539 (1031) Ярослав и Мстислав идоша на Ляхи, и заяста грады Червенские опять, и по-

⁷⁸ Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 6 кн. [29 т.]. СПб.: Тов-во «Общественная польза», 1896. Кн. 1. Т. I-V. С. 29.

⁷⁹ Ortega Rubio J. Historia de España: 8 t. Madrid: Bailly-Bailliere, 1908-1910. Т. 1. Р. XV.

⁸⁰ [Lavissee E.] Histoire de France depuis les origines jusqu'à la Révolution: dans 18 vol. Vol. 1 / par P. Vidal de la Blache, G. Bloch. Paris: Hachette, 1900. P. 3-4.

⁸¹ Щербатов М. [М.] История российская с древнейших времен: в VII т. [15 ч.]. Т. I. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1770. С. 132.

⁸² Устрялов Н.[Г.] Русская история: в 5 ч. [2-е изд.] Ч. 1. СПб.: Типогр. экспедиции заготовления гос. бумаг, 1839. Ч. 1. С. 41.

⁸³ Томек В. [В.] История чешского королевства, сочинение В. Томка / пер. с чешск.; под. ред. В. Яковлева. СПб.: Изд-во С.В. Звонарева, 1868. С. 11, 14.

воеваста Ляцкую землю, и многи Ляхи приведоста, и разделивше я, Ярослав посади я по Рси, идеже суть и до сего дни»⁸⁴. То в первом учебнике по русской истории Ф.И. Янковича де Мириево, этот сюжет был сконструирован немного иначе: Ярослав Мудрый «возвратил России побранные Болеславом, королем Польским, Червенские города, поселил в России много пленных поляков по реке Рси и около Чернигова»⁸⁵. То есть, автор учебного текста не стал сообщать, что древнерусские князья не только возвратили «опять» Червенские города, но еще и совершили поход на Польшу, откуда увели пленных. Такую же операцию – забвения невыгодного для положительного образа предка прошлого в учебном тексте проделал Н.Г. Устрялов. Он упомянул про поход Ярослава Мудрого на Польшу, но особым образом: Ярослав «возвратил отнятые поляками во время наших междоусобий Червенские города или Галицию»⁸⁶ и всё. В учебном «Начертании» М.П. Погодина также можно встретить намек на мирного предка россиян. Он писал, что славяне «вели исконе жизнь земледельческую, отличались тихостью нрава и семейными добродетелями, были знакомы с разными искусствами, плодами образования, и имели свою религию»⁸⁷.

В качестве другой черты, при помощи которой можно выделить «свой» народ из среды «иных» народов Европы, явились метафоры «величия», «прогрессивности» или «одаренности». Ф. Гизо признавался читателю, что «своя» французская история ему показалась наиболее «величественной»⁸⁸. О кельтах – древних обитателях Франции, Мишле писал, что это «наиболее симпатичный и наиболее способный к прогрессу род человеческий»⁸⁹, а Д.И. Иловайский о «своих», заметил, что славяне-русь «одно из наиболее даровитых и предприимчивых арийских племен»⁹⁰. Особенность «своего» народа

⁸⁴ Летопись Несторова с продолжением по Кенигсбергскому списку до 1206 года: Библиотека Российская историческая, содержащая древние летописи, в всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российской древних и средних времен. Ч. I. СПб.: При Имп. Акад. наук., 1767. С. 104.

⁸⁵ [Янкович де Мириево Ф.И.] Краткая российская история, изданная в пользу народных училищ... С. 26.

⁸⁶ Устрялов Н.[Г.] Руководство к первоначальному изучению... С. 11.

⁸⁷ Погодин [М.П.] Краткое начертание русской истории, сокращение гимназического курса. М.: Тип. Н. Степанова, 1838. С. 3.

⁸⁸ Гизо Ф. История цивилизации во Франции: в 4 т. / пер. с фр. П.Г. Виноградов. М.: Рубежи XXI, 2006. Т. 1.: Лекции I-XV. С. 20.

⁸⁹ Michelet J. Histoire de France par Jules Michelet: 18 t. Т. 1. Paris: A. Lacroix et Compagnie, 1880. Т. 1. Р. 2.

⁹⁰ Иловайский Д.[И.] История России, соч. Д. Иловайского: в 5 т. Т.1. Ч. 1: Киевский период. М.: Типогр. Грачева и К., 1876. С. 17-18.

А.С. Грин постаралась выстроить на противопоставлении английскому народу, так как, по ее мнению, «остров ирландцев» – географически, экономически и даже цивилизационно отличен от Англии⁹¹.

В первую очередь в учебных книгах позиционировались важные положительные воинские и гуманные качества предков. Например, в «Краткой истории государства российского» И.В. Васильева повествование начиналось со слов: «Славяне, люди воинственные и храбрые»⁹². В другой учебной книге можно прочитать: «Славяне вообще были благонравны, правдолюбивы, в словах и обещаниях своих тверды, и гостеприимны»⁹³. И.К. Кайданов молодому читателю презентировал идею о том, что среди всех народов Европы, лучшими человеческими качествами наделены лишь славяне, написав, что «лучшими украшениями свойств их [предков русских] были: призрение старцев, немощных, бедных и больных, чистосердие, радушие и гостеприимство, свойственное и ныне преимущественно народам славянского происхождения»⁹⁴.

Христианство в национально-государственных нарративах позиционировалось в качестве общеевропейской универсалии⁹⁵. Но, кроме того, христианство – в его православном, католическом и протестантском вариантах – стало одной из самых важных особенностей, определявших в текстах европейских историков национальный дух их народов⁹⁶. По замечанию С. Бергера и К. Конрада, в каждом случае, будь то католические, протестантские, православные или мультиконфессиональные страны (как Германия), религиозные черты в текстах историков не конкурировали с конструкциями, посвященными национальному и государственному строительству, – они скорее соединялись. Поэтому протестантизм стал решающим компонентом в национальных исторических нарративах Швеции и Швейцарии, католицизм конструировался чертой национальной особенности в Ис-

⁹¹ [Green A.S.] *Irish Nationality* / by Alice Stopford Green. N.Y.; L.: H. Holt & Co, 1911. P. 7-8.

⁹² См.: Васильев И.[В.] *Краткая история государства российского, для начинающих*, изданная по руководству отечественных историков. М.: Универ. тип., 1830. С. 8.

⁹³ [Б.а.] *Краткая российская история, для воспитывающихся в Морском кадетском корпусе*. СПб.: Морск. Кадет. Корпусе, 1823. С. 7.

⁹⁴ Кайданов И.[К.] *Начертание истории Государства Российского*. СПб.: Тип. Мед. Деп-та МВД, 1829. С. XIII.

⁹⁵ Liakos A. *The Canon of European History and the Conceptual Framework of National Historiographies // Transnational Challenges to National History Writing* // eds by M. Middell, L. Roura. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 321.

⁹⁶ Berger S. *The Invention of National Traditions...* P. 33.

пании и Польше, а в России и Румынии православие было представлено ключевым столпом национального самосознания⁹⁷.

Обратив внимание на национально-государственный нарратив Н.Г. Устрялова, можно заметить, что историк сначала соединил христианство с особенностью всей Европы, указывая, что добродетели государственного благоустройства «были неминуемым следствием самой религии, и Русь разделила их со всей Европой, обязанною единственно христианской вере перевесом своим над прочими частями света на поприще гражданственности и образованности». После такого замечания российский историк перешел от конструирования общеевропейского к «своему» национальному мифу, начав со слов: «Вместе с тем христианство принесло нашему отечеству другие выгоды, коих не имела Западная Европа...»⁹⁸. Религиозная составляющая превращалась в один из мифов, введенных в национальные исторические нарративы не только европейскими, но и американскими историками, которые христианскую веру вместе с деловитостью переселенцев указывали в качестве фактора победы над «желтой расой» и природой⁹⁹.

Конструирование идентичности не могло обойтись без поиска тех или иных черт «исключительности» или выполняемой народом миссии. В Европе набор таких черт оказался довольно ограниченным: «защита христианства» или «щит Европы», «распространение свободы», «культурная миссия» и т.д. Так, например, испанский историк М. Лафунте, в последней четверти XIX столетия указывал, что «каждый народ, каждая нация, каждое общество выполняет специальную миссию», но, не став доискиваться для «своего» «специальной миссии», он просто написал: «Испания выполняет особую возложенную на нее миссию»¹⁰⁰. История русского народа в прошлом, сконструированном С.М. Соловьевым в «Учебной книге», была тяжелой, но Россия эту тяжесть превозмогла и выстояла, выполнив гражданскую миссию по отношению к «азиатским варварам»: «Русский народ в беспрестанной борьбе и сношениях с азиат-

⁹⁷ Berger S., Conrad C. *The Past as History: National Identity and Historical Consciousness in Modern Europe* (Series Writing the Nation). N.Y.: Palgrave Macmillan, 2015. P. 367.

⁹⁸ [Устрялов Н.Г.] *Русская история...* Ч. 1. С. 103-104.

⁹⁹ См.: Bancroft G. *History of the United States of America, from the Discovery of the American Continent: in 10 vol.* [10th ed.]. Vol. 1. Boston: Ch.C. Little Brown and J. Brown, 1842. P. IV-VIII, 1-2; Channing E.D. *A History of the United States: in 6 vol.* Vol. 1. N.Y.: Macmillan, 1905. P. 1.

¹⁰⁰ Lafuente M. *Historia general de España desde los tiempos primitivos hasta la muerte de Fernando VII: en 29 t.* T. 1. Barcelona: Montaner y Simón, 1888. P. II, IV.

скими варварами, – писал историк, – успел сохранить свой Европейско-Христианский образ, трудясь тяжело и скромно при средствах самых скудных, населил громадные, необитаемые пространства восточной Европы и северной Азии, положил здесь начало Европейско-Христианской гражданственности»¹⁰¹.

Метафора «щита Европы» стала довольно распространенной в ряде национальных историографий. Позиционируя мысль об Испании – «спасительнице Западной Европы», М. Лафуенте писал, что арабы угрожали не только Западной Европе, страх распространился по всему континенту, но испанские «солдаты христианства» спасли Европу¹⁰². Другой испанский историк Ж. Ортега Рубио представил борьбу испанцев за свою родину и за европейскую культуру как продолжительное «сражение рас», «войну религий <...> оставившую на теле <...> страны и в привычках людей глубокие следы»¹⁰³. Еще более выразительно представлен «свой», защищавший Европу на самой границе с Азией в национально-государственном нарративе С.М. Соловьева. Заканчивая рассказ о походе Ивана IV на Казань, историк так объяснил его значение: «В истории Восточной Европы взятие Казани, водружение креста на берегах ее рек имеет важное значение. Преобладание азиатских орд здесь было поколеблено в XIV веке и начало никнуть пред новым, европейским, христианским государством, образовавшимся в области Верхней Волги. <...> Страшное ожесточение, с каким татары, эти жители степей и кибиток, способные к нападению, но неспособные к защите, защищали, однако, Казань, это страшное ожесточение заслуживает внимания историка: здесь Средняя Азия под знаменем Магомета билась за свой последний оплот против Европы, шедшей под христианским знаменем государя московского»¹⁰⁴.

В национально-государственных нарративах народ становился «народом-борцом» за свою «свободу», точнее свободу строящегося государства, суверенитет которого народ отстаивал от опасных для себя как европейских, так и азиатских игроков исторической драмы. Г. фон Трейчке, объясняя исключительную военную особенность немецкой истории, заметил, что ни у одного другого народа нет большей причины, чем у немцев, гордиться памятью борющихся за отечество.

¹⁰¹ Соловьев С.М. Учебная книга русской истории. М.: Тип. Э. Барфкнехта и К^о, 1859. С. 338.

¹⁰² Lafuente M. Historia general de España... P. XXVIII-XXX.

¹⁰³ Ortega Rubio J. Historia de España... Т. 1. P. XXI.

¹⁰⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен... Кн. 2. Т. VI-X. С. 85-86.

чество отцов¹⁰⁵. Таким образом, наличие в конструкции национального прошлого «народа-борца», еще и представленного цепочкой национальных героев, служило оправданием самой национальной истории, легитимировало величие (не)совершенного государства.

В русских учебных книгах по национальной истории в методических целях презентовалась важная черта особого отношения общества к власти, тем самым, в историческом сознании целенаправленно формировалось и/или укреплялось чувство уважительного отношения к власти. Так, например, И.К. Кайданов писал: «Россияне всегда с благоговением повиновались велению своих государей, и имели беспредельную доверенность ко всем поступкам и действиям их»¹⁰⁶. В другом месте, он снова вернулся к этой особой черте: «Сами иностранные писатели, не всегда выгодно отзывавшиеся об нас, подтверждают, что нет народа в Европе, более россиян преданного своим монархам»¹⁰⁷. Ему вторил другой автор учебника по русской истории – М.П. Погодин, позиционировавший мысль о такой политике российской власти в прошлом, в которой неверных поступков не было, ее «каждое особенное предприятие есть следствие главной мысли, устремленной ко благу отечества»¹⁰⁸.

Историки находили черты исключительности своей нации-государства, в том числе, в выполнении пограничной функции на месте важного географического «рубежа» (например, «Ирландия является последней заставой Европы против обширного многоводного Атлантического океана»¹⁰⁹) или в распространении форм «правильного» государственного управления и в развитии гражданственности. Так, Ж. де Сисмонди, подчеркивал, что первенство Франции среди других стран Европы заключается, во-первых, в умении создавать жизнеспособные институты власти, во-вторых, в самой длинной истории монархического правления¹¹⁰ (выделенная историком особенность кажется особенно интересной, если учесть, что прошло всего чуть более трех десятков лет после краха «старого режима» во Франции). Для Ф. Гизо история французской цивилизации явилась лучшим образцом общего развития европейской цивилизации, так как «Франция – та страна, цивилизация которой является наиболее

¹⁰⁵ [Treitschke H. von] Deutsche Geschichte im Neunzehnten Jahrhundert: in 5 bd. Bd. 1: Bis zum zweiten Pariser Frieden. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1879. S. VII.

¹⁰⁶ См.: Кайданов И.[К.] Начертание истории Государства Российского [4-е изд.]. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1834. С. XIII.

¹⁰⁷ Там же. С. 222.

¹⁰⁸ Погодин [М.П.] Начертание русской истории для гимназий... С. 143.

¹⁰⁹ [Green A.S.] Irish Nationality... P. 7.

¹¹⁰ [Sismondi J.C.L.S.] Histoire des français... T. I. P. I, XVII.

законченной, наиболее способной к передаче и всего сильнее поразившей воображение Европы», она «всех полнее, всех истиннее, всех цивилизованней»¹¹¹. Исключительность английской истории, конструировалась посредством метафоры «благородного идеала свободы», привнесенного в копилку человечества¹¹². Даже А. Пиренн (который после Первой мировой войны увидит зло «в духе односторонности» национальных историй (см. выше), конструируя на рубеже XIX–XX вв. бельгийскую историю, старался выстроить прошлое молодой страны, объединившей фламандцев и валлонов в «единую национальную культуру» так, чтобы она отличалась от иных стран не только определенным «видом синкретизма». Историк решился назвать населявшую территорию Бельгии «смесь» романо-германских народов «общей цивилизацией»¹¹³.

По мнению А. Лиакоса, важной чертой национальных историй в Европе XIX века становится рефлексия о «европейском каноне»¹¹⁴. Я бы добавил, что эта рефлексия покоилась на «идее Европы» и отличалась от универсализма эпохи Просвещения (актуализировавшей сравнительно-исторический метод) дискурсивной практикой, связанной с использованием риторических приемов, объясняющих проблему «общего» / «отличного». «История государства российского» Карамзина уже имеет набор особенностей, присущих «европейскому канону»: язык славянский родственен другим европейским языкам, европейцам христианство «предвестило науки и просвещение», явилось шагом к гражданственности¹¹⁵ и т.д.

А. Лиакос указывает, что рефлексия о «европейском каноне» демонстрировала себя в употребляемых в текстах историй объясняющих концептах, таких как «европеизация», «отставание», «наверстывание», «антивестернизация» и др.¹¹⁶ Взаимодействие с «каноном», как считает Лиакос, стало одним из формирующих национальные историографии элементов. Наиболее сложные отношения с «каноном» были в центре Европы (Германия), на ее западной (Испания), южной (Балканы) и восточной (Россия) перифериях, где одновременно действовали практики «европеизации», и «анти-вестернизации».

¹¹¹ Гизо Ф. История цивилизации во Франции... Т. 1. С. 20, 28.

¹¹² [Green J.R.] A Short History of the English People / by J.R. Green. L.: Macmillan and Co., 1874. P. VI, P. 2; Item. A Short History of the English People: in 4 vols. [Illustrated ed.]. L.; N.Y.: Macmillan and Co., 1902-1903. Vol. 1. P. VI-VII.

¹¹³ Pirenne H. Histoire de Belgique, des origines au commencement du XIV-e siècle: dens VII t. [2-e éd.]. T. I. Bruxelles: Maurice Lamertin, 1902. P. IX-XI.

¹¹⁴ Liakos A. The Canon of European History... P. 315-342.

¹¹⁵ Карамзин Н.М. История государства российского... Т. 1. С. 123-124, 129.

¹¹⁶ Liakos A. The Canon of European History... P. 317-334.

Это формировало определенные исторические конструкции, которые базировались на идее отсутствия в «своем» прошлом тех или иных черт, присущих «канону» (например, Греция «пропустила» не только эпоху Возрождения, но и эпоху Просвещения). Основанное на такой модели историческое сознание, часто актуализировало не столько то, что «произошло в прошлом», а напротив, то, что «в прошлом не произошло»¹¹⁷. Например, у ряда российских историков, осознание того, «что не произошло» в национальной истории, по сравнению с «канонном», часто представлялось не как «утеря» или «досадный пропуск», напротив, в практике самопрезентации прошлого оно позиционировалось как «благо». По выражению Н.Г. Устрялова, – это «вредные плевелы», которые не усваивались «отличительным свойством [русского] народного характера»¹¹⁸. Но такая дискурсивная операция, не была оригинальным национальным продуктом, она была продуктом «канона», ответом и/или реакцией на этот «канон». По меткому замечанию Лиакоса, тень европейской истории всегда маячила за плечами авторов национальных историй, склонных к концепциям немецкого «особого пути» (Sonderweg) или российского славянофильства¹¹⁹.

Европейский «образец» или как его называет А. Лиакос «европейский канон» заставлял историков подстраивать под него конструируемые ими национально-государственные нарративы, объясняя расхождения не только «особостью» своей истории, но и ее определенной «задержкой». Российские историки главным виновником «отставания» страны изображали монголо-татар, что стало топосом в историческом сознании россиян. «Сень варварства, омрачив горизонт России, сокрыла от нас Европу в то самое время, когда благодетельные сведения и навыки более и более в ней размножились <...> В сие же время Россия, терзаемая монголами, напрягала силы свои единственно для того, чтобы не исчезнуть», – писал Н.М. Карамзин¹²⁰. По мнению К.Н. Бестужева-Рюмина, из-за монголов случилась «остановка в развитии» России¹²¹. Н.А. Полевой объяснение «задержки» преподал в еще более риторической упаковке: «Пока в горниле двухвекового бедствия перегорала Русь – Европа кончила период Средних веков, и вступила в век нового бытия»¹²². А С.М. Соловьев в сво-

¹¹⁷ Ibid. P. 317-334.

¹¹⁸ [Устрялов Н.Г.] Русская история... Ч. 1. С. 21.

¹¹⁹ Liakos A. The Canon of European History... P. 334-335.

¹²⁰ Карамзин Н.М. История государства российского... Т. V. С. 569.

¹²¹ Бестужев-Рюмин К.[Н.] Русская история: в 2 т. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1872–1885. Т. 1. С. 278.

¹²² Полевой Н.[А.] История русского народа / соч. Николая Полевого: в 6 т. М.: Тип. А. Семена, 1829-1833. Т. IV. С. 12.

ем объяснении объединил причину «задержки» с выполняемой Россией миссией – «щит Европы». Развитие Западной Европы, по его мнению, было куплено тяжелой ценой, которую заплатила Русь: «Западная Европа была спасена: но соседняя с степями Русь, европейская укрaina, надолго подпала влиянию татар»¹²³.

Рефлексия об «отсталости» Испании от иных западноевропейских государств рождала комплекс, который не мог не волновать испанских историков. Причину «задержки» некоторые видели в миссии по спасению Европы, от арабов, которую Испания с достоинством выполнила¹²⁴. Но виновником такой ситуации можно было «назначить» не только внутренние или внешние причины (мешавшие развитию государства), а сам исторический дискурс «недоброжелательных» зарубежных авторов, которые актуализировали неприятную для испанцев особенность их истории. Еще в первой половине XIX века Ф. Гизо, назвал испанцев «несчастливым народом», он писал: «...Этот народ жил в Европе особняком, мало получил от нее и мало дал ей <...>, цивилизация его не имеет важного значения для цивилизации европейской»¹²⁵. В адрес таких авторов испанский историк Ж. Ортега Рубио, восклицал: «Какая несправедливость! <...> Наш народ <...> как и все другие великие народы, обладая щедрым духом, принес цивилизацию в далекие страны, в полной мере жертвовал свои ценности общечеловеческой культуре и прогрессу»¹²⁶.

Итак, практика самопрезентации в национально-государственном нарративе заключалась в позиционировании совокупности особенностей своего нации-государства, что имело целью выделить «свой» народ и созданное им государство из круга «других». Однако, одновременно, национальные историки вынуждены были сверять конструкции национального прошлого с общеевропейским прошлым (в первую очередь, – с западноевропейским), пристраивая его «выгодные» особенности к «своему» прошлому и, напротив, «отсутствии» особенностей «европейского канона», представлявшиеся «неудобными», старались объяснить их несоответствием «исключительной» природе «своего» нации-государства. Следует добавить, что особенности, связанные с либеральной миссией «своего» нации-государства, актуализировались, в первую очередь, в национально-государственных нарративах Англии, Франции и США. Напротив, актуализация национальных особенностей, призванных, с одной

¹²³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен... Кн. 1. С. 826.

¹²⁴ См.: Lafuente M. Historia general de España... Т. 1. P. II, IV.

¹²⁵ Гизо Ф. История цивилизации во Франции... Т. 1.: Лекции I-XV. С. 25.

¹²⁶ Ortega Rubio J. Historia de España... Т. 1. P. I, IX-X.

стороны, отличить «свою» историю от западной, а с другой стороны, гордиться сложившимся политическим режимом (который связывался с «национальным характером»), чаще практиковалась в российских, а нередко, и в немецких национально-государственных нарративах.

Классическая европейская модель историографии, в которой национально-государственный нарратив занял самое почетное место, выступила основным инструментом трансляции в общественное сознание англичан, немцев, испанцев, французов, русских и других народов представления об особой ценности собственного государства, прошедшего долгий и нелегкий путь своего строительства. В неклассической модели исторической науки интерес профессиональных историков к написанию национально-государственных нарративов сменился заинтересованностью в изучении истории отдельных социальных, культурных, экономических, политических процессов, а модель таких исследований уже не соответствовала линейной модели истории, характерной для национально-государственных нарративов. Поэтому в XX в. для написания трудов по национально-государственной истории стали создавать авторские коллективы, в рамках которых каждый из историков писал тот или иной раздел истории, соответствовавший его научным интересам (например, «История Франции», в 27 томах под редакцией Э. Лависса).

Кризис национально-государственного нарратива как вида национальной истории начался вместе с кризисом классической модели исторической науки. Пьер Нора замечает об этом так: «Эта модель истории больше не работает. Ни с точки зрения научной, ни с точки зрения моральной, ни как метод, который она применяет, ни как соответствующая ей философская система. Ее распад начался в эпоху между мировыми войнами...»¹²⁷.

Профессиональная историография стала избавляться от безусловной веры в единый однолинейный исторический процесс, необратимый прогресс. Неклассическая (а затем и постнеклассическая) рациональность и изменения в науке снижали веру в господство истории над будущим, постепенно смещая ее в область неактуального, что еще больше уменьшало интерес профессиональных историков к национально-государственному нарративу. В СССР были предприняты две попытки создания советского национально-государствен-

¹²⁷ Нора П. Предисловие к русскому изданию // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пуимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 8.

ного нарратива, оставшиеся незаконченными: в 1953–1958 гг. изданы девять томов «Очерков истории СССР», в которых изложение событий национально-государственной истории заканчивалось концом XVIII века, а с 1966 г. по 1980 г. были изданы одиннадцать из запланированных 12-ти томов «Истории СССР с древнейших времен до наших дней». Советский национально-государственный нарратив, конечно, по содержанию сильно отличался от российских предшественников, но его модель осталась прежней – русской. Манифестируя в названии советское понятие «история СССР», он начинался с топоса русской национальной историографии: «“Откуда есть пошла Русская земля” – именно с этого вопроса восемь с половиной веков назад начинал свой обзор отечественной истории древнерусский летописец Нестор»¹²⁸.

¹²⁸ См.: История СССР с древнейших времен до наших дней: в двух сериях; 12 т. М.: Наука, 1966–1980. Т. 1. С. XIII.